

Есть некоторое количество текстов, которые мы знаем с детства (у каждого они свои, хотя вот, скажем, «Я спросил электрика Петрова...» — это, конечно, из ряда общих знаний) и считаем едва не народными, хотя у них есть авторы (как у того же «электрика Петрова» автор Олег Григорьев). Или, например, я откуда-то знаю этот текст, с детства:

*На газоне свежевскопанном
лежала кошка белопаная —
то ли лапы загорелые,
то ли морда неумытая.*

Несколько лет назад выяснил, что и у этого текста есть автор — Владимир Эрль. Гений, с которым нам довелось жить в одно время.

Я познакомился с ним непозволительно поздно — что ли в январе этого года меня привел к нему Борис Лихтенфельд. Эрль уже был очень плох — в редкие минуты просветлений он хвастался подготовленной им вместе с Александром Скиданом для НЛО огромной книгой Василия Кондрагьева (над собранием Кондрагьева он работал почти двадцать лет), вспоминал свои любимые книги — Хармс, Вагинов, Добычин, вот это все, он показывал рукой на то, что осталось от его уникальной библиотеки, говорил о большой собственной книге, над которой работает — а потом вдруг начинал выть или повторять одну и ту же фразу, его сознание уплывало, он оказывался где-то в собственном мире, «наблюдая гладь сиреневого Стикса». Я познакомился с ним непозволительно поздно — у меня было к нему столько вопросов! Вопросов, которые больше некому задать.

В том, что написано ниже, я не буду менять настоящее время на прошедшее, ладно?

Эрль — поэт, который как бы осуществляет связь времен: между ОБЭРИУ (Эрль — не просто знаток и публикатор Хармса (первое собрание сочинений Даниила Ивановича, четырехтомное, было опубликовано в Бремене как раз стар-

ниями Эрля и Михаила Мейлаха), Введенского и Вагинова, он одной своей ногой как бы стоит в текстовом и мировоззренческом пространстве обэриутов) и, например, Крученых (и в пространстве Крученых и, я не знаю, Хлебникова стоит вторая нога Эрля). Начиная со своих первых стихов, написанных в середине 1960-х, Эрль исследует буквы, слова и смыслы. Ну, то есть, с одной стороны:

*Здесь лось прошел, задев кору ольхи губами,
здесь невеликая качается безумно птица,
здесь ты — не в силах сторониться —
стоишь, откинув тень на камень.*

*Валун, свой профиль обратив к покою неба,
наверно, ждет движения руки, —
и видно в сумерках: по озеру круги
расходятся...*

А с другой:

*смола устала
где-то
как его?*

Но у Эрля есть, например, и третья нога, и она расположилась в том текстовом пространстве, в котором нащупывали пути-дорожки Ян Сатуновский и, в большей степени, Всеволод Некрасов:

*Первое апреля
первое июня...
Даже не поверю,
если ветер дунет.
Если он не дунет,
тоже не поверю...
Первое июня,
Первое апреля...*

Четвертая нога Эрля — в мире абсурда (или парадокса, хотя не сказать, что между абсурдом и парадоксом — один шаг), и так далее: ног у Эрля бесчисленное количество. При этом Эрль никому не подражает — он именно что исследует пространство букв, слов и смыслов, как это делали его предшественники. Некоторое время назад критик Игорь Гулин совершенно по другому поводу очень, как мне кажется, точно сформулировал суть обэриутского письма: «Письма, понимаемого не как сумма приемов или банализированный «абсурдизм», скорее — как катастрофическое состояние языка, когда у слов нет времени, нет сил означать то, к чему они привыкли. <...> Еще точнее так: слова, имена, ритмы, стили отказываются означать то, к чему привыкли, принимают здесь свои новые хрупкие,

ненадежные роли из солидарности к говорящему, в качестве жеста поддержки поэту в его невозможном положении...» Эти слова, думаю, можно отнести не только к обэриутскому письму, но и к упомянутым текстовым опытам Крученых, и к текстам Сатуновского и Некрасова. И — к текстам Владимира Эрля, не продолжателя, но как бы современное воплощение русского авангарда.

Но писание текстов (и путешествия в заминированные поля букв, слов и смыслов) — не единственное, чем славен Эрль. Он знаток того самого русского авангарда, публикатор и исследователь поэзии ОБЭРИУ. Кроме того, в свое время он был одним из главных действующих лиц ленинградского самиздата — он был и составителем, и издателем, и, естественно, самиздатовским автором. Он — отец-основатель арт-группы «Хеленукты» (1966-1972), в которую входили такие же, как он, увлеченные авангардом и обэриутами люди, в том числе Алексей Хвостенко, Александр Миронов, А. Ник (Николай Аксельрод) и другие: «Лучше нас никого нет, да и вообще никого нет...» Он, говоря коротко, один из главных людей советского поэтического (и не только поэтического) авангарда — второго авангарда или неофициальной, «той» культуры: в одном из редких интервью он так сказал по поводу своей книги «С кем вы, мастера той культуры?»:

«Я считаю, что сейчас время культуры вообще угасает. Сама культура угасает, а тогда еще что-то было. Я подразумевал, что пишу не о советских, не об официальных «мастерах», имел в виду то, что называют второй культурой, неофициальной. Но теперь все пришло к своему логическому концу... Увы...»

Его «Собрание стихотворений (тяготеющее к полноте)» на сегодняшний день — самый полный свод (в основном, поэтических) текстов Владимира Эрля (тут стоит заметить, что книг у Эрля вообще мало, четыре или пять, и все выпущены мизерными тиражами) — вышло несколько лет назад в крошечном издательстве «Юолукка» и сопровождалось какой-то звенящей тишиной. Сейчас там же готовится еще одна большая книга Эрля — та самая, о которой он рассказывал мне в январе. А глава издательства Олег Дмитриев сегодня написал: «Владимир Эрль — наш первый автор, с него началась «Юолукка»... Видимо, книгой Эрля, которая сейчас в работе и которой он не дождался, мы и закончимся. Очень даже символично».

*плыл по волне размер стиха
и незаметно затихал
и успокаивался дух —
и тух...*